

Лю Лао было очень важно это прослушивание. С самого начала он хотел, чтобы Жун Сюй загримировался и переоделся, дабы полностью перевоплотиться в своего персонажа.

Прослушивания во многих съёмочных группах сводится к тому, что актёры просто разыгрывают одну из сцен фильма; он не надевают костюмы, не наносят грим – просто показывают эмоции своего персонажа. Конечно, во время прослушиваний на «Борьбу за превосходство» и «Черные тучи» Жун Сюю тоже делали грим, но одежда Ваньци Яо и Лин Сяо не была такой громоздкой, как у Чжу Можэня.

Мантия принца с тройной парчой, украшенная драгоценностями, была великолепна и необычна.

По сравнению с костюмом летучей рыбы Цинь Чэна, наряд Жун Сюя был поистине экстравагантным. Лю Лао был очень доволен тем, как он выглядит. Старик ничего не говорил, но вокруг его глаз собрались морщинки, поскольку ему было очень трудно скрывать свою радость.

Следуя за помощником режиссёра, Жун Сюй прошёл в помещение за углом. Изначально здесь располагалась личная гостиная режиссёра, однако Лю Лао не мог спать на площадке. Ему совсем не хотелось отдыхать во время съёмочного дня, поэтому его помощники почти сразу превратили это помещение в комнату для прослушиваний.

В комнате собрались Лю Лао, сценарист, продюсер, несколько помощников режиссёра... и Цинь Чэн. В просторную комнату следом за ними вошёл Жун Сюй, одетый в золотистую шёлковую мантию. Сначала он вежливо представился и поздоровался со всеми, а затем приготовился к прослушиванию.

Все в этом зале были людьми опытными. Никому больше не нужно было ничего говорить — Жун Сюй просто должен был приступить непосредственно к прослушиванию.

Цинь Чэну, как человеку, порекомендовавшему Жун Сюя, было не очень уместно находиться здесь. Возможно, чтобы избежать подозрений, он переоделся в повседневную одежду и даже надел солнцезащитные очки, чтобы не было видно его глаз, и уселся рядом с Лю Лао.

Жун Сюй не мог видеть выражения его лица, но у него возникало слабое ощущение, что его взгляд постоянно сосредоточен на нём.

Посреди этой маленькой комнаты стояли только стул и стол, на котором стояла пустая белая фарфоровая чашка и чайник. Это был реквизит для одной из сцен «Диких цветов».

Первое появление Чжу Можэня в фильме состоялось во дворце императора. Как принц, он лично приносил своему отцу лекарства, ведя себя при этом почтительно и смиренно. В это время Кун Чао вернулся в Пекин с поля боя и хотел сразу доложить о случившемся императору, который спал.

Проснувшись, император взял своего сына за руку и сказал ему:

— Скоро тебе придётся взять под свой контроль Цзинь-вэй*, сын мой.

Второе появление Чжу Можэня в фильме состоялось уже через год после этих событий. В этот раз он появился в доме Кун Чао, куда пришёл, чтобы встретиться с ним.

Сцена, которую должен был показать Жун Сюй сегодня, – второе появление Чжу Можэня в фильме.

Когда прослушивание на эту роль проходили другие актёры, Цинь Чэн не играл в этой сцене вместе с ними, поэтому, справедливости ради, он не стал вмешиваться и сейчас. Эта сцена была выбрана для того, чтобы актёр мог перевоплотиться, но предназначалась она при этом для двух человек.

Жун Сюй подошёл к стулу, улыбнулся и сообщил Лю Лао:

— Я готов.

Лю Лао кивнул:

— Тогда давайте начнём.

Жун Сюй опустил голову и взял в руки чашку. Все очень пристально следили за его движениями. Они видели, как его левая рука держит блюдце с чашкой, а правая – осторожно сжимает крышку чайника и нежно протирает белую фарфоровую чашку. Его движения были очень медленными, но при этом – с самого начала и до конца – он не садился, а делал всё стоя.

Наблюдая за его движениями, Лю Лао медленно выпрямился, а Цинь Чэн поджал губы.

Затем по сюжету Кун Чао вернулся домой, услышал, что у него дома гости, и быстро вошёл внутрь. Однако он не ожидал, что его гостем на самом деле окажется Принц собственной персоной.

«Услышав», как открывается дверь, Жун Сюй прекратил протирать чашку. Он поднял глаза и посмотрел перед собой. Его ясные и нежные глаза-скорпионы прищурились в слабой улыбке. Он поставил чашку на стол, улыбнулся и сказал:

— Вы не обязаны быть вежливым. Это я проявил хамство, придя сюда без приглашения.

Сказав это, Жун Сюй остановился и сделал вид, что «слушает» своего невидимого собеседника. Его взгляд медленно поднимался, словно мужчина, на которого он смотрел, в этот момент встал.

Выслушав его некоторое время, Жун Сюй улыбнулся:

— Значит, у нас трудности... Не лучше ли будет объясниться во дворце?

Голос Жун Сюя был низким и притягательным, как весенний ветерок у одинокого озера. Слушая его, люди невольно чувствовали себя посвежевшими.

Продюсер и сценарист неотрывно смотрели на юношу в центре комнаты, время от времени переглядываясь и кивая. Всё, что касалось внешнего вида и игры актёра, очень подходило для роли Чжу Можэня, каким они себе его представляли: очень честный, добрый и приятный принц.

Только вот они не знали... удастся ли Жун Сюю показать истинное лицо Чжу Можэня, скрывающееся под маской?

В этой сцене Кун Чао долго колебался, прежде чем ответить на вопросы Принца. Лишь после того, как Чжу Можэнь показал ему имперский указ о том, что организация Цзинь-вэй теперь подчиняется ему, Кун Чао, наконец, решил поделиться с Принцем всеми своими домыслами и опасениями.

Организация Цзинь-вэй подчинялась только приказам Императора, а Принц был наследником Императора, поэтому теперь, когда Император слёг с болезнью, Цзинь-вэй перешли в подчинение Принца. Естественно, теперь Кун Чао, как командир Цзинь-вэй, мог докладывать обо всём напрямую Принцу.

В этом моменте состоялась очень длинная реплика Кун Чао. Жун Сюй слушал и слушал его. Даже Лю Лао не заметил, что в этот момент Жун Сюй опустил на стул «Восьми Бессмертных». Жун Сюй поднял левую руку и погладил гладкую фарфоровую чашку. Его движения были медленными, а улыбка в глазах становилась всё глубже и глубже. От начала до конца он держал голову поднятой и смотрел прямо на командира Цзинь-вэй, который стоял и докладывал. Его прикосновения к фарфоровой чашке становились всё медленнее и медленнее.

Когда его движения внезапно прекратились, Лю Лао ошеломленно дёрнулся, словно только

сейчас заметил движения Жун Сюя.

Освещённый ярким светом, красивый молодой принц ухмыльнулся, поднял белую фарфоровую чашку и сделал глоток, а затем поднял голову и мягко улыбнулся:

— Если это так, то я вынужден побеспокоить Вас... узнайте правду об этих странных смертях.

Сказав это, он с тихим стуком поставил чашку обратно на стол.

Голос постепенно становился холоднее, и Жун Сюй, сузив глаза, рассмеялся:

— Организация Цзинь-вэй по моему Да Мин* - подчиняется семье Императора и действует от его лица. Кто бы ни стоял за этими убийствами, если Вы поймаете его - приведите его во дворец... — его глаза хитро сощурились, а губы изогнулись в тонкую линию. — И убейте.

На этом прослушивание было окончено.

Жун Сюй немедленно встал со стула, вышел в центр комнаты и поклонился своим «судьям». В этот момент атмосфера напряжения и подавленности, висевшая всё это время в воздухе, моментально рассеялась.

Больше всего при этом повеселел продюсер, который в следующую секунду принялся хлопать в ладоши. Следуя его примеру, другие присутствующие также начали аплодировать. Не двигались только режиссёр Лю Лао и Цинь Чэн.

Лю Лао растерянно смотрел на Жун Сюя. В его взгляде уже не было того энтузиазма, что переполнял его сегодня при их первой встрече.

Цинь Чэн же до сих пор сидел в своих солнцезащитных очках и не двигался, словно его здесь вообще не было.

* Да Мин люй («Законы Великой династии Мин») — основной сборник законов, действовавший в Китае в период правления династии Мин.

* Цзинь-вэй («стража в парчовых одеждах») — тайная служба правителей империи Мин,

основанная в 1382 году императором Чжу Юаньчжаном.

После того как Чжу основал Империю Мин и начал править под девизом «Хуньбу», он стал сомневаться в лояльности своих подданных, и всегда был готов к возможным попыткам убийства или организации восстания, поэтому одной из первых обязанностей Цзинь-вэй стал шпионаж за собственными гражданами, а позже и за чиновниками.

<http://tl.rulate.ru/book/3652/91098>